

быть отождествлена с предварительным испытанием героя сказки. В пользу этого предположения прежде всего свидетельствует та роль, которую исполняет в сюжетном развитии серия сцен, разыгранных Саввой и Бесом. Благодаря пособничеству Беса Савва одерживает победу над «исполинами», возвращается в дом Бажена Второго и т. п., т. е., иначе, совершает подвиги и ликвидирует недостачу точно так же, как ликвидировал бы ее с помощью волшебного дарителя сказочный герой.

В сказке даритель вручает герою чудесное средство только в том случае, если тот соблюдает определенные этикетные правила. Волшебная помощь — это плата за службу, которую сослужил дарителю герой. Признаки этикетного поведения остались и в «Повести». Беса не удовлетворяют богатства, предложенные Саввой; он соглашается «всякое вспомоществование ... чинити» лишь при условии, если Савва подпишет богоотметную «хартию». Требование Беса и исполнение этого требования типологически совпадают с испытанием героя волшебным помощником.

Чрезвычайно интересно то обстоятельство, что Бес многократно именует себя братом Саввы (с точки зрения автора, он — «мнимый» брат); мотив родства подчеркивается на незначительном пространстве текста с большой и непонятной, на первый взгляд, настойчивостью («аз того же рода от града Великого Устюга»; «ныне убо буди брат и друг»; «по плотскому рождению братия мы с тобой» и т. д. и т. п. — стр. 239). Этот мотив получит корректное объяснение, если мы допустим, что он сохраняет в себе пережитки крайне архаичных тотемистических представлений.³⁵ Родственная связь героя с тотемным животным — существенная черта многочисленных мифов, сопричастных обряду инициации; именно отсюда берет начало тема волшебного помощника в сказке (и — шире — предварительное испытание в целом). Напомню, что одним из основных этапов обряда посвящения, из которого, по всей видимости, и выросла сказка, было приобретение посвящаемым зооморфного помощника, духа-хранителя. «Во время обряда посвящения юноша превращался в своего помощника»,³⁶ отождествлялся с ним. Не случайно, кстати сказать, в «Повести о Савве Грудцыне» (как, впрочем, и во многих других художественных текстах) Бес выступает не только в антропоморфном, но и в зооморфном облике. В конце «Повести», когда больной Савва исповедуется иерею, в церковь врывается толпа бесов: «Мнимый же его брат, паче же рещи бес, прииде с ними же, уже не в человеческом образе, но в существенном своем зверовидном» (стр. 255).

Обращает на себя внимание упорство, с каким автор «Повести» останавливает читательское внимание на речевой манере Беса: его разговор с Саввой на всем протяжении сопровождается безудержным смехом, комментируется набором таких деэпричастий, как «ослабився», «рассмеявсь», «возсмеявсь», «улыбаясь». Смех Беса можно рассматривать как результат авторского желания индивидуализировать поведение и речь персонажей лишь на уровне стиля. Дело в том, что в процессе обряда посвящения герой мыслится временно умершим (проглоченным тотемным животным) и затем вновь возрождающимся к жизни как полноправный член коллектива. При этом, как было показано Проппом, происходила

³⁵ Ср. тему братания в сказке: «Нет, не надо, не хочу больше спорить. Давай лучше с тобой побратаемся: ты будешь старший брат, а я меньшей», — говорит цыгану Змей в одной из афанасьевских сказок (№ 149). — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, тт. 1—3. Ред., предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957. (Далее: Афанасьев).

³⁶ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки, стр. 168.